

Когда он отклонился назад и опёрся на свои руки, перед Наруто открылся прекрасный вид на лоснящуюся, сексуальную и абсолютно развратную Куренай, оседлавшую его твёрдый хуй. Её колени прижимались к матрасу, что позволяло ей приподнимать свою круглую попку и насаживать себя на его пульсирующий член, если она этого захочет, однако пока печать не активирована, она этого не сделает. Наруто задействовал свои основные мышцы, чтобы успокоиться, а также чтобы получить возможность брать её мягкие груди в свои руки и в рот; тем временем Хаку ответил: «Да, я уверен, что именно так он и сделает.»

Куренай держалась руками за его плечи, будучи неуверенной в том, хочет ли она оттолкнуть его, чтобы он мог закончить свой разговор с Хаку или же просто оставаться тихой, позволив удовольствию, доставляемому его сосанием и тщательными ласками, продолжаться. Наруто стал оттягивать её грудь одной лишь силой всасывания, пока не раздался влажный шлепок; когда давление, создаваемое губами, оставило её жёсткий пульсирующий сосок, её идеально сложенная молочная железа встряхнулась и вернулась на свою бойкую позицию. Наруто спросил его, параллельно сдержанному стону Куренай: «И, скорее всего, убьёт их?»

«Да, я думаю, что так всё и будет» – ответил Хаку.

Наруто размышлял о том, что это будет означать для любого обладателя Кубикирибачо, продолжая бодро массировать мягкие и пластичные шары молчаливой Куренай, после чего, наконец, ответил: «Я думаю, что приму вызов, но вместо покупки вещей, я предпочёл бы, чтобы она никогда больше не бросала мне вызова за меч. Я не знаю, выиграю ли я, но мне определённо не по душе мысль, что ей придётся иметь дело с Забузой-джиджи.»

Наруто ущипнул Куренай за сосок, заставив её крепко зажмуриться и пытаться сдержать стон, а Хаку ответил с явным весельем: «Твоё решение не удивительно. Я понимаю. Спокойной ночи, Наруто-кун, Куренай-сан.»

«Спокойной ночи, Хаку» – ответил Наруто, высвобождая чакру незанятой ладони, но прежде чем активировать печать он посмотрел на бесшумно вздымающуюся Куренай. Наруто наклонил голову в сторону двери, словно говоря: “Тоже скажи, ‘спокойной ночи’.”

Куренай закатила глаза, после чего капитулировала: «Спокойной но-КЪЙЯААХ!» – провизжала она, после того, как Наруто ущипнул её дерзкий сосок и надавил на него, при этом тряхнув всей её грудью, как она учила его.

«“Къях”, она кричит “Къях”» – удивлённый этим, Наруто радостно рассмеялся.

Невероятно смущённая и в большей степени похожая на девчонку Куренай прокричала: «Наруто!»; крича, она начала шлёпать его, что вынудило его поднять плечи для защиты, при этом он не переставал смеяться. «Прекрати! Смущать! Своим-Къйаах!» – вновь взвизгнула она, когда он ущипнул её за идеальную задницу.

«Великая Повелительница Гендзюцу Конохи умеет делать “Къях”, как и все остальные великолепные девушки» – игриво подразнил её он, продолжая смеяться во время их

постельной баталии.

В своём мягком гневе Куренай мило посетовала: «Мх! Не жди, что я прошу тебя после этого ...» – она замолкла, поскольку он ухватился за её изящную шею и опустил её к своим довольным губам. «Мннфф!» – простонала она, а он не выпускал её, пока она не втянулась в сладость всего этого и не начала целовать его с той же радостью.

В какой-то момент он активировал Фууиндзюцу вокруг комнаты, а она понадеялась, что это случилось до того, как он начал толкаться в неё, извлекая из неё громкие стоны, во время её катания на его неистовом члене. Куренай была счастлива провести остаток ночи, лёжа на спине, стоя на коленях и прислонившись к стене, предоставляя свою прямую кишку и утробу для их впечатляющего заполнения, чтобы испытывать всё новые и новые оргазмы. Хотя, несмотря на обильное количество спермы внутри себя, Куренай в конечном итоге покинула кровать Наруто, чувствуя себя намного легче, чем это было на протяжении некоторого времени. Это было больше чем физическое блаженство. Также она ощущала и безмятежность. То, что она имеет с Наруто, может быть не одобряемо, однако это давало ей покой, который стоит того, чтобы его защищать.

ТЕНТЕН.

«Ну» – поинтересовался Дани, когда его дочь села на верстак, что находился рядом с ним.

«Он передаст ему» – ответила Тентен своему отцу, доставая сюрикен из корзины перед ними, чтобы помочь ему заточить их до практического совершенства.

«Замечательно» – радостно откликнулся он, начав затачивать с большей энергичностью.

«Но ...» – она замолкла, когда тот остановился. Тентен уже почувствовала его разочарование, поэтому она сделала глубокий успокаивающий вдох, после чего сообщила ему: «Я знаю, что ты сказал не повышать выше тридцати пяти процентов, но я была вынуждена, иначе бы Хаку-сан не донёс этого до Наруто ...»

«Сколько?» – прервал её он, кладя острый предмет на стол.

«Семьдесят ...»

«Семьдесят!»

«Пять» – вяло договорила Тентен.

«Семьдесят пять!» – прокричал Дани, приподнимая табурет, чтобы отодвинуться от дочери. Он резко обернулся и в неверии прокричал: «Тен! Как ты могла совершить такую глупость!»

«Тоу-сан» – попыталась Тентен, спускаясь, чтобы подойти к своему разочарованному отцу. «Мы не в лучшем положении для торга. Они знают, что им не нужно торговаться с нами, а это означает, что мы должны сделать всё возможное, чтобы усадить их за стол переговоров. Если Наруто примет вызов, всё, что мне нужно сделать, это победить, и мы завладеем Кубикирибочо честно и без затрат.»

«Лучше бы так и было» – предупредил её отец. «Потому что я не намерен придерживаться столь вопиющего грабежа, особенно если это касается этого грёбаного демона!»

«Я выиграю» – сделала акцент Тентен с долей отчаяния. «Вот увидишь. Гай-сенсей считает, что мы готовы к экзамену на Чуунина, и у меня есть год преимущества. Я думаю, что смогу побить генина, который несколько месяцев назад закончил Академию.»

Дани повернулся к дочери и впервые в жизни обрушил на неё свою убийственную ауру, спросив у неё с бурлящей ненавистью: «Ты способна убить его?»

Несмотря на то, что она смотрела на своего отца, Тентен задрожала и отшатнулась на шаг назад, сквозь угнетающий страх произнесла: «Я ... Тоу-сан, мне не потребуется его убивать.»

Внешне удовлетворённый Дани поубавил свой давно не использованный убийственный дух и заявил: «Это твоя последняя неделя, Тен. За всё это время, что ты потратила на расследование, ты случаем не узнала, почему он имеет Кубикирибочо?»

Когда Тентен стало немного легче дышать она медленно ответила: «Нет. В записях указаны семь команд, которые входили в башню Хокаге, однако зарегистрировано только шесть миссий, это то, что есть в публичном доступе. Что совершенно не имеет смысла, поскольку все миссии регистрируются, независимо от того успешны они или нет.»

Глядя в окно, Дани грубо ответил: «Это просто означает, что произошло что-то, о чём мы не знаем.»

«Если это и произошло, то скорее всего причина в Учиха-куне» – заявила Тентен. «Я знаю, что Какаши-сенсей и Учиха-кун отправились на какие-то специальные тренировки. Раз уж на то пошло, то это как-то связано с его глазами.»

Повернувшись лицом к дочери, с суровым взглядом Дани жёстко спросил: «Тогда почему Кубикирибочо у демонического отродья?»

Чувствуя себя слегка подавленной под недовольным взглядом маленьких глаз своего отца, Тентен слабо высказалась: «Единственное, что я смогла придумать, и что может иметь смысл, это то, что Узумаки и Хаку украли его, но я не спрашивала у них, так что это только догадка.»

«Мы боролись каждый день после нападения Кьюби. Вместо того чтобы остаться и приложить

все усилия, чтобы восстановить наш разрушенный бизнес с нуля, она ушла. Твоя мать ушла, потому что предпочла жить беззаботной жизнью» – Дани посмотрел на неё с такой язвительностью, что Тентен задалась вопросом видит ли он перед собой собственную дочь. Дани предостерёг её: «Не поступай легкомысленно и не сомневайся, Тен» – его взгляд был суров, и она не могла избавиться от ощущения, что он страдает из-за неё. «Мне всё равно, убьёшь ты его или нет, только не медли ни секунды» – подытожил он.

«Я ... я не буду» – серьёзно ответила она, и он оставил её, чтобы она самостоятельно закончила с заточкой партии сюрикенов. Оставшись наедине со своими мыслями, спокойная Тентен не стала думать о своих бедах. Всё из-за того, что она провела год со своими тремя впечатляющими товарищами по команде и обнаружила свою единственную истинную заботу, и это не имело ничего общего с её матерью, её отцом или бизнесом.

Это была не её мать. Тентен уже провела большую часть своей юности, стреляя по мишеням, думая о женщине, которая родила, а затем оставила её. Однако, узнав о семье Неджи, она в конце концов пришла к выводу, что эта женщина, внешне похожая на неё, попросту сбежала с другим мужчиной, и как бы жестоко это ни звучало, по факту, её мать так и не вернулась. Узнав о семье Неджи, Тентен невольно спросила себя: “Зачем заикливаться на женщине, которая не вернётся?” – брюнетка с волосами, заплетёнными в пучки не испытывала надобности в том, чтобы заботиться о чём-то большем, чем целесообразность, чтобы двигаться дальше.

Тентен не думала о своём отце; не по-настоящему. Стресс и тревога в организме сбивали её прицел и сказывались на точности, чего она не могла допускать. Хотя это расстраивало её, что он так расстроен из-за неё, она также понимала, что всё наладится после того, как она выиграет Кубикирибочо. Поэтому, не видя смысла в хождениях вокруг да около и в том, чтобы задавать себе вопрос: “а что, если?” она сосредоточилась на стремлении победить. Получение этого меча – это единственное решение, о котором она собирается думать.

Тентен также не беспокоилась о предстоящем вызове. Хотя ей было очень любопытно, как ему удалось заполучить легендарное оружие, Тентен не потратила особо много времени на созерцание уровня мастерства Наруто-куна. Он новоиспечённый гений, когда к этому моменту она провела десятки спаррингов с Ли-куном, Неджи и Гай-сенсеем. “Он боец ближнего боя, который, вероятно, никогда раньше не имел дела с теми, чья специализация дальние атаки” – по крайней мере у них не было такого большого радиуса поражения как у неё.

Когда она довела сюрикены до совершенства, она вместо всего этого задумалась о своём положении, что она часто делает, не только в своей команде, но и в своей деревне. Это служило для неё бесконечным источником для удивления, к которому она постоянно возвращалась. Несмотря на отсутствие каких-либо способностей к ниндзюцу, Ли-кун точно знает, какова его цель, при этом он трудится усерднее кого бы то ни было, кого она встречала, кто пытался чего-то достичь. Несмотря на угрюмость, Неджи – просто гений, который, очевидно, не разделял её обеспокоенности. Даже её сенсей представлял серьёзную угрозу. Тентен настолько отличалась от всех в своей команде, и от всех в своей деревне, что это часто вынуждало её задаваться вопросом, достаточно ли она старается или, что ещё хуже, достаточно ли она хороша.

Она никогда не признается, насколько наивны её мечты о спасении целых деревень или о похищении Даймё с её впечатляющими навыками куноичи. Дело было не в том, что она не уверена в своих способностях, но она не могла не чувствовать, что её реальные навыки не соответствуют её фантазиям, и именно эта забота выходила на передний край её мыслей. Каждый день, находясь среди товарищей по команде она не могла не спрашивать себя: “Достаточно ли я хороша?” – Кубикирибочо мог бы всё изменить. Кубикирибочо способен изменить её. Быть лучше, быть лучшей – это всё, чего она желает; для своей команды, для своей деревни, ради своего отца, но что важнее всего – для себя самой. Именно поэтому она без колебаний победит Узумаки-куна.

<http://erolate.com/book/1099/27753>